

Томас Манн и окрестности

Klaus Harprecht. Thomas Mann, Eine Biographie. Rowohlt Verlag, Reinbeck 1995.

Donald A. Prater. Thomas Mann. A Life. 1995 Oxford University Press.

Donald A. Prater. Thomas Mann, Deutscher und Weltbürger. Eine Biographie. Hanser Verlag, München 1995.

Hermann Kurzke. Thomas Mann. Das Leben als Kunstwerk. Eine Biographie. Verlag C.H. Beck München 2000.

К. Харпрехт. Томас Манн. Биография. Рейнбек (Германия), 1995.

Д. Прейтер. Томас Манн. Жизнеописание. Оксфорд (Англия), 1995.

Д. Прейтер. Томас Манн — немец и гражданин мира. Биография. (Пер. с англ.). Мюнхен (Германия), 1995.

Г. Курцке. Томас Манн. Жизнь как произведение искусства. Биография. Мюнхен, 2000.

Пятого мая 1945 года, на четвертый день после прекращения военных действий в Италии, из Рима на север выехал четырехместный «джип». Все, кто помнит войну, помнят и эти неказистые машины-коробочки с двумя ведущими осями. Рядом с шофером сидел Клаус Манн, светловолосый парень в американской военной форме, писатель и корреспондент газеты Stars and Stripes («Звезды и полосы»). О своей поездке он подробно рассказал в письме к отцу, Томасу Манну, десять дней спустя.

Экипаж миновал Берхтесгаден, где джи-ай — американские солдаты — усердно грабили бывшую резиденцию Гитлера («жаль, что я поздно прибыл, а то бы и мы поучаствовали»), и выехал на усеянную воронками бывшую имперскую автостраду Зальцбург — Мюнхен. Было утро 8 мая. Рейх капитулировал. Подъехали к баварской столице. Прекрасного города на Изаре больше не было. Весь центр от Главного вокзала до площади Одеона представлял собой сплошную грудку развалин. С трудом добрались до знаменитого Английского сада, самого обширного городского парка в Европе, по мосту короля Макса-Йозефа, не разбитому бомбами, переехали на правый берег и достигли Пошингер-штрассе. К великому изумлению, выпрыгнув из машины, Клаус Манн увидел виллу своего отца: дом стоял целый и невредимый. Дом, где прошли детство и юность, откуда родители, Томас и Катя, выехали в лекционную поездку по Европе в феврале 1933 года.

Но оказалось, что уцелел лишь фасад. Все остальное — полуобвалившийся остов. Остатки комнат, камин. Это был образ разгромленного, однажды и навсегда упраздненного прошлого. Подняться на второй этаж не удалось, от лестницы ничего не осталось. Как вдруг Клаус Манн, выйдя в сад или то, что когда-то называлось садом, увидел девушку, почти подростка, на балконе своей комнаты. «Что вы здесь делаете?» Она молчала. Он повторил свой вопрос. «Я здесь живу». Она была здесь одна, ее родня погибла под обломками, жених пропал без вести в России, брат убит под Сталинградом. Она соорудила какое-то приспособление, чтобы подниматься на балкон. Клаус Манн вскарабкался наверх. «Видите, — сказала она, — здесь нечего реквизировать. Kaputt!».

Одно это слово, может быть, объясняет, почему сам Томас Манн, политический эмигрант и к тому времени уже гражданин Соединенных Штатов, медлил с визитом в Германию. Не говоря уже о возвращении. Возвращаться — куда? Между тем его ждали, его настойчиво звали. «Пожалуйста, приезжайте поскорей, взгляните на наши лица, изборожденные всем пережитым, на наши несказанные страдания... Придите к нам как добрый врач, который не только ставит диагноз болезни, но и видит ее причины», — взывал в открытом письме Вальтер фон Моло, писатель, оставшийся на родине, но сумевший не запятнать себя сотрудничеством с режимом. Именно это письмо, а не романы Моло, давно уже не читаемые, сохранило его имя от забвения. Знаменитый ответ Манна хорошо известен русскому читателю.

Лишь спустя четыре года, в июле 1949 года (через два месяца после самоубийства Клауса Манна в Каннах), 74-летний нобелевский лауреат отважился посетить бывшую «столицу движения», как именовался Мюнхен при национал-социализме, — и ехал с Катей мимо все еще не разобранных, обгорелых руин со слезами на глазах. Пресс-конференция в отеле «Четыре времени года», доклад по случаю 200-летнего юбилея Гете, вежливые улыбки, цветы... Газеты писали, что Манн приехал слишком поздно. На другой день он отбыл из города, на этот раз навсегда.

Литература о Томасе Манне во много раз превосходит его собственное наследие, а оно, как мы знаем, насчитывает десятки тысяч страниц. К бесчисленным монографиям, статьям и воспоминаниям о Манне, к биографическим книгам, прочно вошедшим в обиход, прибавились в последние годы три новые биографии, из которых самая подробная, принадлежащая бывшему руководителю издательства С. Фишер (с которым всю жизнь был связан писатель) Клаусу Харпрехту, — фолиант толщиной в 2250 страниц, а самая короткая — Германа Курцке — немного не дотягивает до семисот страниц. В газетных рецензиях, сопровождавших появление этих кирпичей, задавался вопрос: зачем нужны все новые биографии?

Ответ может быть двояким. «Когда человек умирает, меняются его портреты». Биография писателя, даже самая строгая и беспристрастная, есть производное не только его ушедшей жизни, но и последующего времени. Согласившись с Ахматовой, придется добавить, что перемена продолжается, время неустанно работает над посмертным обликом писателя. Время стирает ненужное и высветляет то, чего вчера еще не замечали.

В свою очередь, научное исследование отыскивает новые свидетельства, отпирает сейфы и взламывает сургучные печати. Достаточно указать на сенсацию последних десятилетий — открытие дневников Томаса Манна. Именно они — хотя далеко не только они — образовали корпус новых материалов, на которых в большой мере основаны три новые биографии.

История создания этих дневников, их частичной гибели и сохранения оставшегося подробно изучена, здесь можно сказать о ней совсем кратко.

Томас Манн начал вести дневник гимназистом в Любеке. Последняя запись сделана за три недели до смерти, летом 1955 г., писателю было 80 лет. В 1896 году (21 год) он сообщил из Мюнхена в письме к одному приятелю, что сжег свои дневники. Писание дневника, однако, продолжалось: каждый вечер, изредка с небольшими перерывами. Спустя полвека все повторилось. В саду позади своего дома в Калифорнии он бросил в печку для сжигания мусора не менее пятидесяти толстых клеенчатых тетрадей. (В том числе, по-видимому, и то, что с великим трудом удалось в 1933 году вырвать у гестапо и переправить за границу.) Свидетелем варварского акта был его младший сын Голо, впоследствии известный немецкий историк. Кое-что, однако, уцелело — записи 1933–1934 годов. Начиная с 1940 года — в это время супруги Манн уже находились в Америке, — дневник сохранился полностью.

Три пакета, перевязанных шпагатом, запечатанных сургучом, с надписью рукою автора: «Литературной ценности не имеют, никому не вскрывать ранее, чем через 20 лет после моей смерти», были помещены на хранение в швейцарский банк. Позднее к ним прибавился четвертый пакет с аналогичной пометкой дочери и душеприказчицы писателя Эрики — вскрыть после 12 сентября 1975 года. Публикация тщательно откомментированных дневников, все в том же издательстве С. Фишер, была начата в конце семидесятых годов. Сейчас это черед пухлых томов, которую дополнила обширная — несколько тысяч — коллекция писем.

Биография, сказали мы, преобразуется со временем. Три жизнеописания, два немецких и английское (за ним последовал немецкий перевод), появились одно за другим, но и они не повторяют друг друга, а скорее напоминают зеркала, стоящие под разными углами, одно ближе, другое дальше. Харпрехт, автор самой подробной книги, демонстрирует чудовищную эрудицию, стремится включить в рассмотрение все, что известно о его герое, до ничтожных мелочей, не обходя вниманием и не вполне достоверные свидетельства, — обследует, так сказать, всю окрестность. Экскурсы в культурную и политическую историю века, эпоха последнего кайзера, Мюнхен времен Регентства, две мировые войны, Веймарская республика, нацистский переворот и Америка, давшая приют немецким эмигрантам, — все это включено в панораму, похожую на огромную мозаичную картину; в результате жизнь «последнего монарха немецкой литературы» предстает в необозримой полноте, но единого и художественно убедительного образа не получается. Англичанин Прейтер, прежде опубликовавший биографии Рильке и Стефана Цвейга, опускает малозначительные подробности, он осторожней в отборе материала, сдержанней в своих оценках; во всей книге чувствуется стремление освободиться от давящей власти священного авторитета. Автор даже не уверен, многое ли сумеют сказать классические романы Томаса Манна читателям XXI века. В целом обе книги более или менее следуют канонам документально-биографического повествования.

Иное дело Курцке. Биография построена необычно. Разделы книги (бесспорно, самой интересной из всех трех) выстроены в хронологическом порядке и открываются кратким перечислением событий жизни героя за указанный период. Но этим, собственно, биографическая канва ограничивается. Основное содержание разделов образуют тематические главы. Они посвящены членам семьи, взаимоотношениям с друзьями и коллегами по ремеслу, психологии писателя и человека, наконец, его таинственной интимной жизни. И тут надо вернуться к дневникам.

Томас Манн, много и охотно писавший о себе и собственном творчестве, стилизовал свою жизнь. Преодоление этой стилизации — одна из труднейших задач биографа. Выросший в бюргерской среде, Томас Манн сам являл собой образ бюргера. За этой кулисой скрывались его тайные помышления и страсти, его тоска, растерянность и душевный хаос. Будучи рафинированно-интеллектуальным писателем, творцом иронически дистанцированной, рефлектирующей, аналитической и объективной прозы, он всю жизнь оставался романтиком, *ein Deutscher durch und durch*, как говорит о нем один из биографов, — немцем с головы до ног. Всю жизнь над ним склонялись тени Шопенгауэра, Вагнера и Ницше; всю жизнь он оставался верен своим темам. «Жизнь» и «дух», гений и болезнь, тяга к смерти, музыка. «Смерть в Венеции», вещь, написанная в раннем периоде, и «Доктор Фаустус», последний крупный роман, который он называл своим «Парсифалем», — вот подлинные автобиографии его души.

Может возникнуть впечатление, что Герман Курцке, уделивший в своей книге особое и пристальное внимание гомозеротизму Томаса Манна и даже поставивший гомосексуальное наваждение, каким оно впервые предстало при чтении дневника, в центр своих психологических штудий, повлекся за модой. Но это не так. Биография

убеждает, что без этого наваждения, не оставившего писателя буквально до последних дней, никогда не реализованного, не было бы и того художника, которого мы знаем.

«Разоблаченная» биографами, жизнь писателя сызнова становится символически-репрезентативной, примерно так, как он представил ее в образе принца Клауса-Генриха в романе «Королевское высочество». Зов хаоса и соблазны эстетизма и национализма, противостояние варварству, изгнание, смертельная опухоль легкого, развившаяся во время работы над «Фаустусом», победа над болезнью, возвращение в Европу — разве это не эпизоды какого-то нового мифа о творчестве?

Томас Манн завершил эпоху буржуазного романа. После смерти Толстого не было более мощного эпического гения; по грандиозности замыслов возле него можно поставить разве только Пруста и Музиля. Пустота, которая образовалась после его ухода, едва ли может быть заполнена. С Томасом Манном доносится до нас дыхание европейской эпической прозы, постепенно угасшей во Франции, в России и, наконец, в странах немецкого языка, чтобы окончательно отойти в прошлое после Второй мировой войны. Попытки воскресить ее были обречены на неудачу.